

ЮГОСЛАВСКИЙ РАЗЛОМ

Р. О. ТУРОВСКИЙ

ТУРОВСКИЙ Ростислав Феликсович, аспирант Института географии РАН.

The Yugoslavian Break-up

The article by R. F. Turovsky, a young scholar, presents an attempt to elicit the historicocultural roots of the current conflict in Yugoslavia. Owing to a complex of factors, differences have been building up within the historico-cultural Yugoslav community. The field of opposition that has emerged at present, is qualified by the author as, mainly, confessional one, the line of the gravest split in this field having been brought about by contradictions between the Serbs, on the one hand, and the rest of the ethno-confessional communities, on the other. Turovsky offers detailed comparative analysis of the specific features of the peoples of Yugoslavia, of their respective national ideas. The author comes to the conclusion that it is ethnocentric forms of the development of political relations that became the basic cause of the conflict-bearing situation in Yugoslavia. The author calls, in view of the tragic experience of Yugoslavia, to reconsider, and to give renovated meaning to, a number of traditional political values, the idea of national state being one of the instances.

Выявление комплекса причин, приведших к кровопролитному конфликту в югославских землях, - актуальнейшая исследовательская задача. В предлагаемой статье делается попытка обрисовать историко-культурные корни этого кризиса. При всей своей специфичности он выявляет некоторые общие черты, закономерности возникновения, развития и распространения этнополитической конфликтности в современном мире.

Согласно существовавшей в СФРЮ официальной установке, страну населяли сербы, хорваты, словенцы, мусульмане (в значении национальности), македонцы и черногорцы (имеются в виду славянские народы). Несмотря на внешнюю ясность такого разделения, уже каждый акт причисления человека, группы к той или иной из упомянутых общностей влечет за собой проблемы.

На наш взгляд, можно говорить об определенной историко-культурной югославской общности, к которой непосредственно относятся сегодняшние сербы, хорваты, мусульмане и черногорцы, примыкают германизированные словенцы, а также близкие как к сербам, так и к болгарам македонцы. Под влиянием религиозных противоречий, в связи с воздействием соседей, внешних сил внутри этой общности нарастали расхождения. В течение XIX-XX вв. произошло окончательное разделение части югославской общности, говорящей на сербохорватском языке, по конфессиональному принципу с последующей национальной идентификацией. Рождались идеи - комплексы этнокультурных признаков, на основе которых шло формирование общностей, осознававших себя национальными. Оказывалось, что замена (подмена) этнического определения конфессиональным довольно легко воспринимается в силу разобщенности конфессий и религиозной окраски традиционной культуры. Люди начинали ощущать свою принадлежность к разным культурам, а затем и к разным народам.

Католическая вера стала основой для формирования хорватской общности, в которую постепенно вливалось католическое население Боснии, Герцеговины, Славонии, Воеводины, Далмации. Со временем исчезло понятие "серб-католик", в ходе пробуждения хорватского самосознания осуществилось расширение этнонима "хорват" на значительную территорию. Процесс католической интеграции привел к изменению представления "хорваты - это католики" на представление "католики - это хорваты". Ватикан фактически подталкивал процесс этнического оформления конфессионального деления Югославии, подчеркивал роль хорватских земель как "форпоста христианства" (папа Лев XIII). Осознание югославскими католиками своей

"природной" принадлежности к европейскому миру придавало им чувство собственного превосходства над соседями, складывавшееся из уверенности в истинности своей веры и в первенстве своей культуры.

В сложном положении оказалась мусульманская часть югославской общины. Славяне Боснии и других земель, принимавшие ислам в период османского владычества, называли себя "турками" (фигурировали также региональные определения). После распада Османской империи возник вопрос о смене самоидентификации. Боснийские мусульмане стали называть себя частью сербами, частью хорватами, некоторые употребляли этноним "босняк", а многие вообще долгое время не могли себя идентифицировать (1, 10. VII. 1990). Православные сербы считали исламизированную часть населения Боснии "сербами-мусульманами", хорватские же идеологи провозгласили боснийских мусульман "цветами хорватского народа", а Боснию и Герцеговину - хорватской землей. Процесс национального оформления конфессионального раздела югославской общности в 60-х годах XX в. привел к важному итогу - утверждению отдельного народа "мусульмане". Представления о наднациональной общности мусульман способствуют тому, что славянские и албанские мусульмане довольно легко находят общий язык. В то же время этническое своеобразие служит основой для (само)изоляции албанского народа.

Наконец, одним из важнейших результатов процессов разделения югославской общности явилось представление сербов о себе как о чисто православном народе. Утверждение данного представления происходило в османский период под влиянием Сербской православной церкви, поскольку она выступила в качестве национальной объединяющей силы. Однако это привело к маргинализации тех мусульман и католиков, которые были сербами по происхождению, и, как следствие, к принятию ими хорватской или мусульманской идеи**. Вообще в своей истории православные югославы не имели общей организации, подобной католической. Из процессов, происходивших во "второй" Югославии, отметим обособление православных македонцев, провозгласивших собственную автокефалию.

Отношения между католиками и православными на югославских землях исторически определяются взаимным обособлением в христианской культурной системе. Последствия раскола церквей и сегодня проявляются в стремлении разграничить владения каждой из них. Здесь немаловажна и традиционная политическая активность католицизма; менталитет представителей данной конфессии с его рациональным соотношением целей и средств также отличается от ценностно ориентированного православного миропонимания. В силу особенностей последнего направленность внешних связей православных югославы определялась прежде всего принципами духовной близости (апелляция к братству, примирению, согласию и т. п.), а не политическими целями нередко прагматического характера. Воздействие внешних сил, политическое давление поэтому оказались факторами, способными довольно легко нарушить подобные связи.

* * *

Характер политического объединения конфликтующих сторон в югославских землях позволяет говорить о возникшем там поле противостояния как преимущественно конфессиональном. В то же время линию сильнейшего разлома в этом поле образовали противоречия между сербами, с одной стороны, и остальными этноконфессиональными общностями - с другой (сценарий "сербы против всех").

* Между тем среди сербов есть склонность ограничить применение этнонима "хорват" только областью с центром в Загребе (т. е. Хорватией как исторической провинцией).

** В 20-е годы XX в. иерархи Сербской православной церкви подтвердили точку зрения, согласно которой сербами могут считаться только православные.

Очень важно понять сущностные черты сербского мироощущения. Оно отличается глубоким восприятием православных традиций, восточнохристианским менталитетом со свойственной ему освященностью действий и объектов. Сербам

свойственна сакрализация родной земли, ее сердца - Косова, возможная потеря которого ассоциируется с утратой нацией части души. Характерны эпическая историческая память (напр., образ Косовской битвы), символизация в сознании сербской земли, вобравшей в себя православные храмы и монастыри, могилы предков, места исторических событий. Отметим особое отношение сербов к национальной государственности, освященной трудной многовековой борьбой. Сильны в их сознании элементы державности (схожей с византийской и российской), а также соборности. Можно говорить и о наличии у сербов мессианских установок, выразившихся в желании организовать объединение всех югославянских народов и хранить это единство. Нельзя обойти вниманием, наконец, весьма выраженную духовную ориентацию на Россию - ни у одного, по нашему мнению, народа (кроме, разумеется, русского) нет столь яркого представления о "Матери-России".

Неудивительно, что именно сербы, ставшие носителями последовательного югославизма, пытались удержать в межвоенный период единство первого югославского государства, а затем - сохранить "вторую", федеративную Югославию. После фактического распада СФРЮ идеи соборности и державности выразились в стремлении сербов собраться вместе. Отсюда - разделяемый ныне большинством сербов лозунг "Все сербы - в одном государстве"; отсюда их стремление сохранить Югославию хотя бы в форме федерации Сербии и Черногории ("усеченная Югославия").

В согласии с сербской национальной идеей при распаде СФРЮ осуществлялись попытки оформить сербские политические образования на территориях как Хорватии, так и Боснии и Герцеговины. В таких попытках политического воссоединения с Сербией воплощались идеи государственности для всех, кто считает себя сербами. Характерная особенность представлений сербов о национальном единстве - его экстерриториальность. Обеспечение цельности территории отходит на второй план, главное - сбор всех населенных сербами земель, причем участки территории могут быть и разрозненными анклавами.

Добавим к этому представление о "сербских этнических территориях"*, в основе которого лежит идея об историческом и этнокультурном "сербстве" и которое дает основу для территориальных претензий. Его отразил знаменитый лозунг "Сербы - все и всюду!", выдвинутый в 1832 г. известным деятелем сербской культуры Вуком Караджичем, настаивавшем на этническом единстве югославян.

Современная история сербов оказалась трагичной для такого рода мироощущения, став историей потерь, отторжения от сербства и противопоставления ему родственных этнических частей, отчуждения от Сербии (как историко-культурного феномена) ее частей. Хорватизация сербов-католиков географически означала потерю для сербского самосознания Далмации, Дубровника, во многом Славонии и отчасти Воеводины. Обособление мусульман привело к их самоидентификации в качестве отдельного народа. Для сербов же произошло определенное отчуждение Боснии и Санджака. О Санджаке следует сказать особо, поскольку эта область, ныне имеющая преимущественно мусульманское (по национальной самоидентификации) население, представляет собой историческое ядро сербской государственности - область Рашка**. Еще более болезненной для сербов является прогрессирующая албанизация Косова. Произошел также процесс обособления македонцев, которые стремились отграничиться от сербов***.

* В своей максимальной версии они включают Боснию и Герцеговину, Славонию, Далмацию.

** Санджакская "мина" уже сейчас заложена в процесс объединения Сербии и Черногории. В этом случае мусульмане планируют по крайней мере автономизацию района, лежащего вдоль сербско-черногорской границы по обе ее стороны, а в идеале - вхождение в мусульманское государство Боснии и Герцеговины.

*** В македонской столице Скопье в свое время находилась столица знаменитого сербского царя Душана Сильного (царя "сербов и греков", XIV в.). Македония позднее в национальном сознании сербов стала восприниматься как "Южная Сербия".

Следует упомянуть и о десербизации черногорцев. История распорядилась так, что образовалось два государства - Черногория и Сербия. Но этим не отрицался сербско-черногорский дуализм ("сербы и черногорцы - два глаза одной головы"). В 1918 г., собрав Скупшину, черногорцы приняли решение о вхождении в состав первого югославского государства. В ФНРЮ-СФРЮ черногорцы получили статус народа, т. е. регионально-государственная идентификация трансформировалась в национальную. В условиях распада СФРЮ у сербов и черногорцев растет стремление к единению, появляются признаки растворения черногорского самосознания в общесербском ("черногорцы - сербский народ"). В то же время имеющаяся у черногорцев идея о собственной державности работает на утверждение республики как самостоятельного субъекта международных отношений, хотя и в "соборной" связи с Сербией. Напомним, что черногорцы очень упорно боролись с Османской империей. Отсюда - идеи об особой их роли в освобождении сербского народа, о черногорцах как о "самых чистых сербах", о Черногории как о "сербском Пьемонте", т. е. ядре объединения сербских земель.

Хорватская национальная идея формировалась в период австро-венгерского владения частью югославянских территорий. Внешним духовным центром региона был Ватикан, политический контроль осуществлялся из Вены (отчасти из Будапешта). Габсбурги стремились упрочить свою власть на югославянских землях и ослабить венгерское влияние в империи, используя хорватский противовес. Реальное формирование хорватской национальной общности началось в XVI-XVII вв. именно на габсбургских землях и под культурным влиянием австрийцев и венгров.

Несущей конструкцией в хорватской национальной идее стал европеизм ("европейский соблазн"). Хорватское обособление подпитывалось стремлением испытать таинство приобщения к Европе как к "обетованной земле", дающей процветание. Такого рода установку укрепляло положение славян на землях в составе Османской империи. Хорватское ядро оказалось в период османской экспансии "европейским бастионом" на границе с Востоком, что явилось одним из факторов, укреплявших внутреннее единство хорватов и их ориентацию на Запад. Эту ориентацию не смогли изменить даже многие негативные моменты их подчиненного положения в империи Габсбургов.

Очень важное место в формировании мироощущения хорватов сыграла их историческая память о древнехорватской государственности IX-XI вв. на территориях с центром в современной Далмации. Стремление восстановить эту государственность стало "тысячелетней мечтой". И когда в 1941 г. было провозглашено Независимое государство Хорватия (НГХ), то не велись общественные дискуссии о выборе формы его существования, о приемлемости в качестве его лидеров крайних радикалов-ушастей и т. п. В Загребе цветами встречали части германского вермахта - как освободительную внешнюю силу, которая помогла реализовать "тысячелетнюю мечту".

В связи с генезисом хорватской идеи ясен и другой ее основной принцип - стремление сохранить целостность в рамках всей хорватской общности и в пределах имеющейся территории (настроения типа "ни пяди земли"). Хорватская идея в ее сложившемся виде требует этнической и территориальной устойчивости, обеспечения единства хорватов как "католической нации", а отсюда - и национальной дисциплинированности, акцентирования мононациональной государственности.

Поиск хорватами такой устойчивости инициировал их историческое движение по обособлению от внешних сил. Во-первых, отторгались неславянские силы, имевшие опыт культурно-политического воздействия на хорватов (венгры и отчасти австрийцы), возникали панславистские настроения. Символом этого обособления стала крылатая фраза "отца хорватского национализма" Анте Старчевича "Ни Вена, ни Пешт". Во-вторых, проявилось стремление обособиться от сербов*, как от народа (в отличие от "благородных хорватов") неевропейского, носителя духа византизма. Причем то и другое оказались (в сознании) синонимами варварства. Сербофобия у хорватов в ее крайних проявлениях дошла до своего логического завершения в отрицании самого понятия "сербы" ("православные хорваты"). "Решить" же сербско-хорватский спор путем "физической ликвидации" другой стороны практически

пытались усташаи. Они развязали в годы второй мировой войны массовый антисербский террор, по сути являвшийся геноцидом. Трагедия концлагеря Ясеновац, где погибли сотни тысяч сербов (а также десятки тысяч евреев и цыган), другие преступления усташей оставили в исторической памяти сербов неизлечимую рану; современное создание хорватского государства и использование хорватской национальной символики прямо ассоциируется с НГХ. Заметим, что стремление хорватов обособиться от сербов в последние десятилетия выразилось и в попытках ускорить формирование собственного национального языка, т. е. получить неконфессиональный признак хорватов как народа**.

Нынешнее кровопролитие в Югославии подтвердило противоречивость хорватской национальной идеи. Она включает, с одной стороны, требования широких "естественных, исторических" границ, а с другой - курс на создание мононационального государства. В Хорватии, бывшей частью СФРЮ, статья конституции называла сербов, вместе с хорватами, "народом, создавшим государство". Из новой конституции, провозгласившей ныне страну "национальным хорватским государством", сербы исключены, что подтолкнуло к выходу из этого государства обширной части, населенной сербами, - Сербской Краины.

Македонская идея в своем развитии продемонстрировала уже известные нам свойства славянско-православного менталитета. Сюда относятся эпическая историческая память (о державе царя Самуила в X-XI вв., большой религиозно-просветительской роли Македонии на Балканах, антитурецких восстаниях XIX и начала XX в., существовании в 1903 г. Крушевской республики и т. д.), а также дух соборности, мессианские черты. Проявляются такие свойства в том, что всем македонским землям приписывается тяга к объединению (подразумеваются Пиринская Македония в Болгарии, Эгейская Македония в Греции и небольшой район в Албании) - объединению если не политическому, то идейному и культурному; в стремлении пробудить македонское самосознание у населения упомянутых земель. Тезис о "сборе" всех македонцев стал стержнем политических платформ современных партий в республике, особенно правого толка. Не следует забывать важный международный аспект проблемы - оспаривание соседями правомерности существования македонцев, представляющих достаточно неоднородный в этническом отношении конгломерат, как отдельного народа и даже употребления топонима "Македония" для славянского государства. Для греческого сознания понятие "Македония" означает древнюю эллинскую землю, одну из исторических провинций, отсюда и нынешнее требование Афин - переименовать Республику Македония. Территорию же последней склонны считать своей и сербы, и болгары.

В мусульманском вопросе двусмысленность идентификации мусульман как народа приводит в настоящее время к попыткам возродить региональное имя "босняк", хотя ясно, что жители Боснии и Герцеговины, называющие себя сербами и хорватами, от своих самоназваний не откажутся. Превращение регионального определения в национальное не меняет сам конфессиональный принцип формирования мусульманской национальной общности. Внутренней задачей последней становится выделение культурного ядра на основе противопоставления христианским соседям (т. е. акцентирование ислама и исламских традиций) и сопротивления секуляризации, но при этом вряд ли реально полное самообособление.

* Хотя даже часть хорватских историков признавала полную этническую идентичность сербов и хорватов периода славянской экспансии на Балканах. См., например (2).

** Если в 1850 г. деятели культуры этих двух народов подписали совместное соглашение о едином сербохорватском языке, то в 1967 г. в Загребе появилась "Декларация о хорватском языке".

Особое стремление югославянских мусульман - превращение Боснии и Герцеговины (или хотя бы части ее территории) в мусульманское государство, т. е. национальное государство мусульман (причем мусульманам выгодно сохранение целостной Боснии и Герцеговины, поскольку они живут практически на всей ее территории). Не исключается введение исламских политико-правовых институтов.

Предполагается, что критический момент наступит, когда доля быстро растущего мусульманского населения республики превысит 50%*.

Нельзя обойти вниманием и албанскую проблему. Историко-географические процессы привели к постепенному (с XVI в.) вытеснению славянского населения албанским, особенно из Косова и Метохии, Западной Македонии. Этому способствовали, с одной стороны, высокая рождаемость албанцев, их переселение с гор в котловины, а с другой - уход с родных земель православных, в том числе за пределы Османской империи (классический пример - "великое переселение" сербов 1690 г.). Третий процесс - албанизация части сербов после их перехода в ислам в XVII-XIX вв. **.

В годы второй мировой войны итальянцы создали прецедент "Великой Албании" - государственного образования, включавшего Косово и Западную Македонию. В послевоенный период албанское население Косова и Метохии по численности стало значительно превосходить сербское, появились лозунги "этнически чистого Косова", "Косово - республика" (т. е. подразумевался выход автономии из Республики Сербии)***. Есть основания говорить и о дестабилизирующем влиянии на обстановку в крае (конфликтность там наблюдалась весь послевоенный период) прежнего руководства Албании. Важно иметь в виду и высокую сплоченность албанцев, опирающуюся на устойчивые племенные традиции и сохранение ощущения племенной иерархии; это в значительной степени влияет на характер и формы албанского национального движения, его распространение и развитие.

Обострение отношений сербов и албанцев, сопровождавшееся у первых нарастанием чувства ускользания" Косова, послужило основным толчком для современного пробуждения национальной идеи сербов. Албанизация славянских территорий, чувство потери сакрализованных, воспетых в эпосе земель стали существенным элементом этнополитической конфликтности в Сербии и Македонии.

Историко-географическое положение словенцев всегда отличалось, в первую очередь, высокой степенью стабильности границ занимаемых ими территорий (кроме, пожалуй, северной), а во-вторых - длительной германизацией. Устойчивость представления о достаточно определенной компактной территории благоприятствовала формированию гомогенной в этнокультурном отношении Словении. Со временем словенцам стала ясна необходимость четкого отделения от хорватов (с целью обезопасить себя от балканской нестабильности) и словенской ориентации на Запад. В результате можно говорить об очевидной этнокультурной близости словенцев с другими югославянами при несомненном их своеобразии. Словенцы имеют свои политические позиции (не обязательно совпадающие с хорватскими), а их земли относительно легко отслаиваются от соседних, что не вызывает затяжных конфликтов (это подтвердили последние события).

* По предварительным данным переписи 1991 г., мусульмане составляют 43, 7% населения Боснии и Герцеговины (3, 27. Ш. 1992).

** Многие албанские кланы имеют сербские корни (4).

*** Эту конфликтность усилила порочная модель "статусного" деления этносов на "народы"-субъекты федеральной государственности, "народности", "нацменьшинства" и т. п. Албанцы стремились стать полноправным "народом", что означало создание Республики Косово.

* * *

Отмеченное выше помогает понять суть, увидеть глубину "разлома" между сербами и остальными югославянами. Феномен объединения достаточно различающихся между собой сил на антисербских позициях не нов. Напомним, что в годы второй мировой войны (ставшей для Югославии и первой гражданской войной) на стороне уста-шей воевали мусульманские отряды, против сербов выступили албанские формирования, ранее прослеживалось сотрудничество усташей и македонских национал-радикалов (в том числе в организации убийства короля Александра в 1934 г.).

Между тем мысли об объединении югославян в едином государстве зрели в течение всего XIX в. Центральной идеей, постоянно фигурировавшей в период формирования объединительного движения, была мнимость разделения на отдельные народы сербов, хорватов и словенцев (о других народах тогда, естественно, не было речи). Достоинство югославской идеи виделось в снятии мнимой многонациональности и преодолении разделенности югославян границами "чужих" империй; в проект общего государства вписывались и в нем теряли смысл и "великосербские", и "великохорватские" устремления. Позднейшие события, однако, не укрепили, а еще более углубили "подогретое" конфессиональными и другими противоречиями разделение югославян, болезненное и противоречивое.

Сербы (вместе с рядом хорватских деятелей) как носители давней, устойчивой национальной традиции и исторической памяти наиболее широкого масштаба сыграли в развитии югославской идеи важную роль. Но в ходе исторического процесса возрастало противоречие между следованием сербов наднациональной идее и элементами их непреодоленного этноцентризма, основывающегося именно на глубокой собственной традиции и на стремлении объединить разделенных государственным границами православных сербов.

Первым вариантом реализации югославской идеи явилось создание Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в 1918 г. Оно объединило международно признанные Сербию* и Черногорию с отошедшими от Австро-Венгрии Государством Словенцев, Хорватов и Сербов и Воеводиной. Это была попытка обеспечить единство югославян в унитарном государстве на основе духовной, исторической и географической близости, с использованием авторитета монарха. Однако нежелание югославян жертвовать своими частными интересами провоцировало в королевстве этнополитические конфликты. Так, хорваты не желали "растворяться" в общегославском доме. Напряженность привела к инциденту в парламенте 1928 г., когда сербский депутат смертельно ранил хорватского лидера Степана Радича и застрелил двух его товарищей по партии. Хорватское движение радикализировалось при последовавшем вскоре появлении организации усташей Анте Павелича (1929 г.). В 1939 г. появился (в качестве вынужденной уступки) договор об автономии Хорватии, которая по территории превосходила современную Хорватию и включала части Боснии и Герцеговины.

"Первая" Югославия рухнула в 1941 г., так и не сумев преодолеть взаимное недоверие югославян. Страна оказалась разделенной между НГХ, попавшими под итальянский контроль Албанией и Черногорией, германской, итальянской, венгерской и болгарской зонами оккупации. Границы разделения соответствовали устремлениям осуществивших его сторон. Сербам удалось сохранить автономию на небольшой территории, правительство которой возглавил генерал Милан Недич. Эта автономия играла важную амортизирующую роль, принимала множество беженцев. В чрезвычайно сложной обстановке, находясь под постоянным немецким давлением, Недич видел свою задачу в сохранении хотя бы частицы национальной государственности, в спасении сербов от геноцида. Вопрос о коллаборационизме не так прост, как принято было думать.

* Сербия к тому времени включала Македонию, но не владела Воеводиной.

"Вторая" Югославия оформлялась в течение второй мировой войны, ставшей на ее территории гражданской войной партизан-коммунистов, сербских четников, хорватских усташей, мусульманских и албанских отрядов. Федеративное устройство государства оказалось лишь внешним решением проблем, не смогло предотвратить расхождение республик*, их замыкание в себе, экономическую автаркию, а затем и распад страны. В ФНРЮ-СФРЮ сохранилось противоречие "сербы и Югославия**"; не были преодолены и сепаратистские тенденции.

Противоречия возникли уже в момент образования "второй" Югославии. Несмотря на то, что сербы являлись основной силой партизанского движения**, руководство федерацией оказалось не в их руках. Лидером ФНРЮ стал хорват Носил Броз Тито, роль главного идеолога играл словенец Эдвард Кардель. Тито стремился прежде всего к укреплению личной власти и к стабильности в стране. Формально в

основе его политики лежала идеология "братства и единства", в массовое сознание внедрялась "интернациональная социалистическая идея", декларировалась прогрессивность социальных целей. Реальный же смысл политики Тито сводился к следующему: разделить югославов по народам (в том числе во многом искусственным созданием отдельных наций), а страну - на обособленные республики, строго контролируя баланс их отношений.

Указанная линия прослеживается по многим направлениям. Здесь и провозглашение самостоятельными народами черногорцев и мусульман, и поддержка македонской национальной идеи. Мусульмане таким образом оказались первым по численности народом Боснии и Герцеговины, в то время как сербы (православные) - вторым, а хорваты (католики) - третьим***. Прежнюю идею о "трехименном народе" заменил тезис о "многонациональной Югославии"****

Что касается федеративного устройства, то курс был взят на ограничение влияния Республики Сербии по принципу "слабая Сербия, сильная Югославия". С этой целью в Сербии были выделены автономии Воеводина и Косово (Косово и Метохия), которые приобретали права, приближающиеся к республиканским (особенно по Конституции 1974 г.). Фактически сербское республиканское руководство могло контролировать только оставшуюся урезанную территорию. Сербское влияние сдерживалось и своего рода союзом (в виде взаимной поддержки) субъектов, имеющих непосредственные противоречия с сербами, - хорватов и албанцев. Кроме того, автономную структуру представляла Югославская Народная Армия, мощная "панюгославская" сила (Тито приходилось считаться с ее мнением), в кадровом составе которой традиционно доминировали сербы и черногорцы.

Правительство Тито стремилось подавлять любые проявления национального духа, хотя бы немного выходящие из дозированных пределов. Санкции за превышение "планки" применялись для всех югославов. В сложном положении оказалась сербская культура; сербы (в отличие от католических народов) утрачивали свои духовно-религиозные корни. Власти подавляли и хорватские национальные выступления. Сложная система балансировки интересов различных общин позволила при Тито заморозить борьбу национальных идей и сохранить относительную стабильность в стране. Этому способствовал и особый политический путь, осознанно избранный Тито, - модель "самоуправленческого социализма", активное участие в Движении неприсоединения, роль "ворот" в "железном занавесе" и т. п. Федеративное устройство по этноконфессиональному признаку подразумевало безусловное "социалистическое единство народов", но девальвация ценностей, заданных идеологией "второй" Югославии, привела к высвобождению скрытой энергии национальных идей. Нынешний югославский "сценарий конфликтов" представляет собой, на наш взгляд, процесс стихийного распада федеративного государства с последующим формированием на его месте национальных государств, имеющих отчетливо выраженные черты этнократии (тяготение к этнически чистой территории, подавление сепаратизма национальных меньшинств, установление этнически чистой власти, создание политических партий по этническому принципу) и территориальные претензии друг к другу.

*Конституция 1974 г. уже содержала де-факто конфедеративные элементы.

**Еще один трагический момент - разделение сербов между партизанским комдвижением и национальным движением четников во главе с Дражей Михайловичем; все тот же мотив раскола. Отметим также, что Сталин считал сербов носителями "буржуазного" духа "старой" Югославии, а "новая" Югославия формировалась под влиянием Коминтерна, Кремля.

***В результате истребления сербов усташами, а также демографических процессов община мусульман опередила по численности сербскую (православную).

****Естественные диффузионные процессы сглаживали разделенность югославов по этноконфессиональным общинам. Перепись 1981 г. установила, что 13% браков в СФРЮ были смешанными (от 6, 1% в Косове и 8, 2 в Македонии до 17 в Хорватии и 27, 3% в Воеводине); национальную самоидентификацию "югослав" использовали 7, 9% жителей Боснии и Герцеговины, по 8, 2% в Воеводине и Хорватии (3, 5. VII. 1991).

Охватившие СФРЮ и СССР (а также ЧСФР) процессы дезинтеграции ныне часто рассматриваются как нечто противоречащее современным европейским интеграционным тенденциям. Однако в определенном смысле первое является неизбежным продолжением второго. В большинстве посткоммунистических обществ стремление как можно быстрее войти в европейские наднациональные структуры сочетается со следующими настроениями: те, кто находятся ближе к Западу, считают себя наиболее достойными партнерами Западной Европы, подводя под это культурно-исторические обоснования. Они стараются отмежеваться от "восточных" соседей. Государственные связи с последними видятся препятствием для достижения желанной цели - войти в "европейский дом" (здесь сама идея европейской интеграции нередко понимается с мистическим оттенком). Напрашивается вывод, что нынешние центробежные процессы на востоке континента (например, отрыв Словении и Хорватии от Югославии) есть ни что иное как продолжение, отражение центростремительных процессов на его западе.

Нынешний конфликт, потрясший югославские земли, вскрыл всю противоречивость взаимоотношений их жителей. Эта противоречивость, имеющая глубокие исторические корни, не была преодолена двумя попытками создания общего государства. Примечательно, что единство последнего во многом держалось на харизме лидера - будь то король или коммунистический вожь. Что касается сербской объединительной миссии, то в условиях роста этноцентристских настроений среди словенцев, хорватов, части мусульман и македонцев она все отчетливее трансформировалась в идею собирания населенных сербами (и черногорцами) земель - в качестве формы самосохранения, поскольку их не устраивает возможность существования в роли национальных меньшинств на территории "чужих" государств. Путь к гомогенным, "этнически чистым" государствам* представляется сейчас многим политикам более легким, чем путь "третьего" объединения.

* * *

События, произошедшие как в СФРЮ, так и в СССР, неизбежно подталкивают к критической переоценке ряда традиционных политических ценностей и представлений (к примеру, идеи о национальном государстве). Становится вполне ясной конфликтность, заложенная в принципах "права наций на самоопределение" и "нерушимости государственных границ". Особые сомнения вызывает первый из них - в силу крайней сложности дефиниции понятия "нация". Этническая неопределенность и внутренняя неоднородность, конфессиональные противоречия, нестабильность самоидентификации демонстрируют пока (в случае с Югославией) бесперспективность таких критериев и порочность жестких подходов для выделения, а особенно - формального разграничения этносов. Современный этнос в результате историко-культурных изменений, усилившегося смешения, влияния внешних сил - скорее уже не природная общность, основанная на кровном родстве, этнической генеалогии, а идея об общности, рожденная спецификой мироощущения. Поэтому этническая конфликтность представляет собой сегодня столкновение национальных идей и проявляется как следствие "битвы идей". Участие в конфликтах принимают не "статистические" народы, а конкретные люди в зависимости от степени восприятия ими той или иной идеи.

* Кульминацией процесса может стать этноконфессиональное разделение Боснии и Герцеговины через кантонизацию, либо расширение границ Сербии и Хорватии.

Выхваченное из цельной системы прав и свобод, абсолютизированное право на самоопределение может легитимировать реализацию любой национальной идеи, в том числе спорной и конфликтной. В результате рвется живая ткань взаимодействия в государствах с глубочайшей этнокультурной диффузией на их территориях. Создаются национальные государства, проводящие этноцентристскую политику. Провоцируется порочное деление общества на "главенствующую" нацию и "национальные меньшинства", начинается поиск "чистых" и "нечистых", "коренных" и "некоренных", лояльных и нелояльных - на основе тех или иных национальных, этноконфессиональных и прочих признаков. Стремясь к стабильности, национальные государства подавляют внутреннее многообразие. Меньшинству навязывается жесткий выбор - либо принять систему ценностей "основного" народа, либо найти

форму отчуждения (в виде массовой эмиграции, сепаратизма, вплоть до партизанской войны). Но насилие этнического большинства над меньшинством отнюдь не ведет к желаемой большинством стабильности.

Стремление к национальной государственности, построенной по этноконфессиональному принципу, разрушило как СФРЮ, так и СССР. Характерно, что такого рода потрясения возникают при значительных изменениях в ценностных системах обществ, когда наблюдается тенденция к распаду ранее целостных государств на небольшие, мелкие и мельчайшие политические образования, по возможности компактные и гомогенные. Так срабатывает инстинкт самосохранения этнотерриториальных общностей. Однако новообразованные и самопровозглашенные государства (республики, автономии и пр.) оказываются субъектами конфликтности, которая, с одной стороны, опускается на уровень отдельных сел, а с другой - интернационализируется.

Судьба Югославии продемонстрировала опасную сторону интернационализации этноконфессиональных конфликтов. Вместо ожидаемых усилий по решению сложнейших и необыкновенно деликатных вопросов, развернулся, как представляется автору, процесс "раздела югославского наследства". Поиск "виновного" вроде бы закончился определением в качестве такового Сербии. Политика внешних сил, по нашему мнению, спровоцировала превращение конфликта в катастрофу, обнажила реальную линию раздела "Запад-Восток" в ее историко-культурном, а не идеологическом понимании и с ее элементами противостояния. Чтобы преодолеть иллюзии многих, следовало бы понять, что тезис "сегодня - Сербия, завтра - Россия" есть напоминание о реальности, требующей определения политических приоритетов и моделей взаимоотношений, исходя из культурно-исторических предпосылок.

В истории вопрос о признании государственной независимости нередко выливался в борьбу за первенство, за потенциальное "жизненное пространство". Печальный опыт Югославии свидетельствует: каждое новое государство должно прежде всего добиваться признания всеми соседями и регулирования отношений с ними путем заключения договоров. Только затем возможно его признание де-юре. Между тем усилиями Запада на югославских землях были поддержаны государства, в которых новая власть не контролировала обширные территории, границы которых не были подтверждены никакими взаимными соглашениями и оспаривались всеми сторонами, где не прекращалась межнациональная война. Признание Хорватии, а также Боснии и Герцеговины означало только выдачу "карт-бланш" республиканским властям, т. е. одному из субъектов конфликта. Это ли путь к миру?

Когда речь идет о территориях, где народы тесно связаны их историей, культурой и географией, то обретение одним этносом политической самостоятельности - это получение свободы за счет других, чаще всего - за счет насилия над другими. Процесс такого "освобождения" неизбежно сопровождается ростом национального эгоизма, распространением идей национальной исключительности; дискриминируются все, не относящиеся к "избранному" этносу, создающему национальное государство для себя*. Так, лозунг "все сербы - в одном государстве" есть зеркальное отражение линии на создание хорватского национального государства и стремления части мусульман к мононациональной государственности в Боснии и Герцеговине.

* Факторами нестабильности становятся и амбиции харизматических лидеров таких государств - вождей, "отцов нации".

Нельзя обойти вниманием проблему "нерушимости границ". Всякая "непроницаемая" государственная граница есть зло, и чем больше в мире будет разделяющих людей барьеров, тем больше противоречий будет накапливаться по обе стороны рубежа, затормозится процесс благотворного взаимодействия стран и народов. Сама граница принципиально не может быть "улучшена" и сделана "справедливой", любой передел границ по любым критериям способен привести лишь к обострению напряженности в силу своей неоднозначности. Единственный выход из бесконечных пересмотров - признание ныне существующих границ, максимальная их проницаемость, а в общественном сознании - десакрализация самого понятия

"граница". Изменение границы в принципе возможно, но, по нашему мнению, при взаимном согласии сторон, положительном результате плебисцита (2/3 от числа избирателей) и межнациональном консенсусе на переходящей в другое государство территории. Сохранение "твердых рубежей" при создании государств вообще проблематично, тем более что таким государствам не выгодна их проницаемость: это мешает "воспитывать" граждан в требуемом духе. Не желая оказаться в "капкане" чужого государства, национальные меньшинства стремятся из него уйти (вместе с территорией проживания), и здесь надо попытаться понять психологию людей, принужденных искать выхода в конфликтном "переделе" земель.

Опыт распада полиэтнических государственных образований типа СФРЮ и СССР показывает, что основной причиной возникающей при этом конфликтности становятся этноцентристские формы развития политических отношений, в том числе курс на создание национальных государств под лозунгами самоопределения, свободы и независимости. Фактически формируются системы с "ограниченной демократией", функционирующей лишь в интересах "коренного" этноса. Спутниками политической жизни в таких системах становятся нетерпимость к меньшинствам, ставка на силовые методы. Действительное, а не мнимое решение этнополитических конфликтов, очевидно, будет найдено на путях создания региональных (а затем и мирового) политических образований, в которых государство означает территориальную общность, а не реализацию права какой-либо одной нации, в которых поощряется внутреннее многообразие, в которых границы проницаемы и отсутствует диктат силовых центров (под любыми лозунгами), а власть ограничена наднациональными институтами федеративного типа. Разобравшись в трагическом югославском опыте, осмыслив собственные неудачи, Россия способна обрести столь необходимое сейчас политическое искусство объединения и примирения стран и народов.

1. "Danas".
2. Klaić V. Povjest Hrvata. Sv. 1. Zagreb, 1899, s. 31.
3. "НИН".
4. Vukanović T, Sibi na Kosovu. Knj. 1. Vranje, 1986, s. 172-173.